

**ИЗ ИСТОРИИ ФОРМИРОВАНИЯ ЭТНОГРАФИЧЕСКИХ
ФОНДОВ ГОСУДАРСТВЕННОГО МУЗЕЯ ИСТОРИИ АРМЕНИИ**

Становление этнографического отдела Государственного музея истории Армении¹ с его богатыми и обширными фондами, как и успешное развертывание этнографического музееведения в 1920-1930гг., связано с именем С. Лисициана, возглавлявшего отдел в 1928-1947гг. Ученый приступил к работе в музее в сложный и трудный для его истории период², приняв отдел, по его собственному признанию, «в хаотическом состоянии»: в первое десятилетие своего существования этнографический отдел и весь музей в целом были не столько научно-исследовательским центром, сколько средоточием, а нередко и местом складирования не только различного рода культурно-исторических и художественных ценностей, но и огромного количества не имеющих к ним отношения предметов. «Потребовались огромные усилия и немало времени, чтобы из этого беспорядочного нагромождения предметов выделить экспонаты, представляющие действительную музейную ценность... В результате проделанной работы осталось небольшое убогое собрание, ни одна из коллекций не была представлена полностью. Встала настоятельная необходимость в кратчайший срок и всесторонне пополнить его. Период стихийного собирательства можно было считать завершенным»³ и встала неотложная задача формирования фондов. Не полагаясь на случайные приобретения и малочисленные закупки музея, С. Лисициан принял единственно правильное решение-для его создания собирать материал целенаправленно, регион за регионом, организуя этнографические экспедиции не только во все районы Армении, но и в армянские поселения за ее пределами. Имея за плечами достаточный опыт научно-организационной и собирательской работы в Кавказском историко-археологическом институте в Тифлисе (1921-1931)⁴, а затем в возглавляемом им Центральном бюро краеведения Армении(1925-1928)⁵, он за довольно короткий срок достиг значительных результатов. О широте охвата и интенсивности развернутой С. Лисицианом полевой деятельности свидетельствует тот факт, что в период 1931-1938гг. под его руководством и при активном участии было осуществлено шесть экспедиций отдела:1931-1932 - в Зангезур, 1934-1935 - в Лори, 1936-в историко-этнографический регион Джавахк, в 1938 - районы Севанского бассейна, не считая многочисленных индивидуальных поездок его самого в различные районы Армении. Сохранившиеся полевые материалы, дневники и отчеты экспедиций⁶ наглядно свидетельствуют,с какими неимоверными трудностями была сопряжена работа каждой из них.Работа в тяжелейших условиях разрушенного землетрясением 1931г. Зангезура, в отдаленных лорийских селениях, в пограничных районах в иноэтническом-грузинском- окружении среди джавахских армян, отсутствие самых элементарных бытовых и санитарных условий, сложности с продовольствием, с приобретением экспонатов и доставкой

¹ Название музея, созданного в 1921г., несколько раз менялось: в 1921-1935гг., Культурно-исторический музей, в 1935-1962гг., Государственный исторический музей, ныне Государственный музей истории Армении (далее-ГМИА).

² Подробнее о положении в музее в тот период см.: Л. Варданян, У истоков этнографического музея в Армении //Этнографическое обозрение (далее-ЭО),1997, №2, стр. 133-138.

³ Национальный архив Армении (далее-НАА), ф. 428, оп. 4, д. 308, л. 2 об.

⁴ Л. В а р д а н я н, Степан Лисициан и Кавказский историко-археологический институт в Тифлисе //ЭО, 2000, №1, стр. 113-128.

⁵ Լ. Վ ար ճ ան Ե, Ստեփան Լիսիցյանի գործունեությունը գաղափարափորձային բնագավառում, Հայ ժողովրդի նշաններ, XI, 2001, էջ.100-102:

⁶ Все они хранятся в фонде письменных источников этнографического отдела ГМИА (далее-ФПИ).

их в Ереван (в особенности, крупногабаритных, как, например, плуга, сохи и пр.), постоянные трудности с транспортом (большую часть пути из села в село, из-за отсутствия в то время шоссе дорог, нередко приходилось идти пешком по опасным узким горным тропам и перевалам), недопонимание и недооценка целей и задач экспедиции местным населением, а также местным руководством (вплоть до сопротивления и подстрекательства против членов экспедиции) и, как результат, бесконечные проволочки в разрешении организационных и бытовых проблем, постоянная угроза нападения банд, особенно в глухих горных селениях, проявления религиозного фанатизма⁷-эти и другие подробности встают со страниц полевых дневников и материалов, являющихся в настоящее время уникальным историческим источником, отражающим всю специфику народной жизни и быта тех лет, а также сложности напряженной обстановки постреволюционного периода и установления советской власти в Закавказье⁸.

В качестве первоочередного объекта исследования Зангезур был выбран не случайно. Во-первых, здесь в эти годы в большей мере сохранялись остатки традиционного быта. Во-вторых, после зангезурского землетрясения в апреле 1931 г. в районе должны были начаться восстановительные работы, что в период социалистического переустройства тех лет неминуемо вносило серьезные коррективы в традиционный уклад жизни. С. Лисициан осознавал, что необходимо было не только срочно фиксировать старые формы быта, но и спасти то, что еще можно было спасти-собрать, записывать, фотографировать.⁹ Именно поэтому спустя всего четыре месяца после землетрясения экспедиционный отряд в составе С. Лисициана, Евг. Гюзальян¹⁰ и фотографа музея Сурена Золяна уже обследовал районы Гориса и Сисиана.

В двух полевых сезонах (в 1932-в Капане и Мегри) в Зангезуре был собран огромный вещевой (250 наименований) и иллюстративный (фотоснимки, зарисовки) материал, отражающий своеобразие этого историко-этнографического региона Армении, его традиционный быт, последствия землетрясения, элементы современной жизни, в том числе, колхозного строительства. Из разрушенного землетрясением Татевского монастыря С. Лисициану удалось спасти и доставить в Ереван «резную дверь, несколько сосудов и штук шесть экземпляров Айсматурка».¹¹ Полевой же материал, записанный ученым в этой экспедиции, был

⁷ Наиболее показателен в этом отношении подробно описанный в Дневнике ахалкалакской экспедиции инцидент в с. Цухрут, где участники экспедиции, подвергая свою жизнь опасности, едва избежали нападения женицин с камнями и дубинками в руках, разгневанных известием о том, что они намерены увезти из села в Ереван «чудотворное» рукописное Евангелие IX в. С. Лисициану пришлось довольно долго и терпеливо, не без опаски за возможные последствия, разъяснять научные цели экспедиции и постепенно успокоить разъяренную толпу, убедив ее в том, что никто не намерен насильно увозить Евангелие. Примечательно, что после того, как к вечеру страсти начали утихать, участникам экспедиции был устроен своеобразный «бойкот»: никто из сельчан не хотел общаться с ними, показывать или продавать вещи в качестве музейных экспонатов//ФПИ оп.1, д.119, тетр. 2, л. 6-9.

⁸ Подробности всех экспедиций см.: Л. Вардамян, Евгения Тиграновна Гюзальян: забытое имя в армянской этнографии// Репрессированные этнографы, вып.2. Сост. и отв. ред. Д. Тумаркин, М., 2003, стр. 322-346.

⁹ Сам он обследован Зангезур надеялся подытожить и обобщить свои предыдущие исследования (Нагорный Карабах, Мегри, Азулис) этого обширного юго-восточного культурного региона. См. Л. Вардамян, Собираетельско-полевая деятельность С. Лисициана в 1920-е гг.; Հայ ժողովրդի նշանակը, XII, 2004, էջ 153-157:

¹⁰ Подробнее о Евгении Тиграновне Гюзальян (1903-1941), выпускнице этнографического отделения Гос. историко-лингвистического ин-та в Ленинграде, о ее работе в этнографическом отделе ГМИА и трагической судьбе см.: Л. Вардамян, Евгения Тиграновна Гюзальян: забытое имя в армянской этнографии...

¹¹ Մ տ. 1 ի և ի գ յ ի ն, Հայաստանի քննարարի հիմնը, «Պարար», Բնակն, 1932, 4 թիվը.

столь обширен и полон, что в дальнейшем послужил основой его фундаментальной монографии «Армяне Зангезура» (1969).

Следует подчеркнуть, что зангезурская экспедиция явилась первым опытом полевой работы этнографического отдела ГМИА, призванной положить конец «хаотическому состоянию» его фонда и ознаменовавшей качественно новый – планомерный и целенаправленный этап работ.¹²

Следующим объектом обследования стал Лори, также осуществленный в два этапа: в 1934-1935 гг. В этой экспедиции особое внимание было уделено приобретению традиционных сельскохозяйственных орудий, домашней утвари и посуды, в особенности, деревянной, комплексов народной одежды и украшений¹³. Многочисленные подробности приобретения экспонатов и связанные с этим трудности,¹⁴ транспортные и бытовые проблемы («трудности с продовольствием, особенно с приобретением хлеба» и т.п.) содержатся в страницах экспедиционного дневника 1934 г. В Лорийской экспедиции был собран обширный полевой материал по традиционной культуре армян (народному жилищу, календарным праздникам, верованиям, культу местных святых и местам богомолья, свадебной, родильной, похоронной обрядности, комплексам традиционной женской одежды и способам повязывания головы и т.д.), различным аспектам современной колхозной жизни, формирующегося нового быта, классовой борьбе и т.д.¹⁵, а кроме того уточнены и дополнены этнографические сведения по данному региону, ранее собранные Ерв. Лалаяном, в частности по семейной обрядности и суевериям.¹⁶

Подводя в своем отчете итоги двухсезонной Лорийской экспедиции и подробно представляя ее результаты, С. Лисициан особо подчеркнул, что она еще раз убедила в необходимости срочного сбора бытовых предметов и записи этнографического материала в условиях коренных социалистических преобразований. Для обследованного региона это было тем более неотложно, что по сравнению с Зангезуром, в Лори эти процессы протекают значительно быстрее и шире, в частности, из-за его близости к Тифлису и строительства железной дороги.¹⁷ В этой же экспедиции, согласно отчету, по мере возможности, был собран также археологический материал, рукописи, сделаны многочисленные фотоснимки исторических памятников, во всех обследованных селах тщательно проверено имущество закрытых церквей и из него отобраны и доставлены в Ереван представляющие музейную ценность предметы.¹⁸

¹² По решению дирекции музея для всеобщей наглядной демонстрации результатов этого успешного опыта, на основе собранных материалов была организована (1934-1937) постоянная экспозиция этнографического отдела, освещающая старейший «умирающий» и зарождающийся новый быт Зангезура, пользующаяся большой популярностью у посетителей.

¹³ Примечательно, что началом маршрута С. Лисициан выбрал с. Дсех-родину великого поэта и своего близкого друга и единомышленника Ов. Туманяна. Описывая впечатления от посещения села через десять лет после смерти поэта и, в особенности, трогательную встречу с его старой матерью, ученый сразу же опытным взглядом этнографа обратил внимание на многие изменения традиционного уклада жизни, привнесенные социалистическим строительством («народ вышел из врытых в землю жилищ..., ночью (по прибытии их в село - Л.В.) впервые зажглись электрические лампочки» и т.п.) *Մտ. Լիսիցյանի, Բանաստեղծի ծննդավայրում, «Խորհրդային Հայաստան», 1934, 24 նոյեմբերի*

¹⁴ Так, например, во всех селах (Дсех, Мари, Лорут, Ахпат и др.) не прекращались поиски традиционного тяжелого двенадцатиупряжного «черного плуга» («сев гутан»), который удалось найти лишь в самом конце экспедиции в с. Хачидур (ныне с. Дебед) и приобрести его после неоднократных переговоров с хозяином. // *Дневник Лорийской экспедиции - ФПИ, оп. 1, д. 121, л. 17.*

¹⁵ ФПИ, оп. 1, д. 107, 120.

¹⁶ Ե. Լիսիցյանի, *Քրդայրի գաղտնիք, «Ազգայնական հանդես», IX, 1902:*

¹⁷ Архив ГМИА, ф. 1, оп. 1, д. 394, л. 3.

¹⁸ Там же, л. 7-8.

Для предусмотренного обследования армян в местах их компактного поселения за пределами Армении, следующая экспедиция, в сезон 1936-1937 гг., была организована С. Лисицианом в соседний Ахалкалакский и Ахалцихский районы Грузии к армянам, «столетие назад после похода Паскевича» переселившимся из Высокой Армении в Ширак и Джавахк. Приобретение музейных экспонатов, причем не отдельных предметов, а тематических коллекций, как и в предыдущие годы, составляло одну из основных задач Ахалкалакской экспедиции: особое внимание придавалось изучению кустарных промыслов и ремесел, поскольку именно в этом регионе долгое время продолжали сохраняться традиции высокоразвитых и широко известных кустарных промыслов Карина и Эрзерума, выходцами откуда и являлись джавахские армяне. С. Лисициан подчеркивал, что «Ахалцха-это то место в Закавказье, где представлены все разновидности старых промыслов. В Тифлисе они давно исчезли. Наша цель-записать трудовой процесс мастеров, приобрести полную коллекцию инструментов и собрать материал о социальных формах амкарств».¹⁹ Был собран материал по ювелирному и оружейному делу, гончарству, различным видам ткачества, прядению, изготовлению ряда деталей традиционной женской одежды, выделке и обработке козьей шерсти и изделий из нее, изготовлению курительных трубок-чубуков и пр.²⁰ Он отражает довольно четкую картину состояния в этом регионе некогда прославленных кустарных промыслов, которые, к сожалению, в середине 1930-х гг. в большинстве своем уже не выдерживали конкуренции с фабричным производством не только в отдаленных уголках края, но даже в самом их центре- г. Ахалцха. Экспедиция 1936г. привезла в Ереван огромный вещевой (250 различного рода экспонатов), иллюстративный (более 260 фотоснимков) и полевой (10 ученических тетрадей объемом в 92 л.) материал. Обширный полевой материал, собранный в с. Карцах, Сулда, Дилиф, Гюмбурда, Пока, Цухрут, Гандза, в Ахалкалаке и Ахалцихе охватывает все основные аспекты традиционной материальной и духовной культуры и социальных отношений армян данного региона, а также проявлений новых форм быта. Здесь имеются описания сельскохозяйственных орудий, форм землепользования, хозяйственной взаимопомощи, имущественного права, поселений, традиционного жилища и его утвари, мер веса, традиционной одежды, календарных праздников, свадебной обрядности, внутрисемейных отношений, мест богомолья, ряда магических приемов, а также довольно редкий для записей С. Лисициана фольклорный образец - эпическое сказание об отце Кероглы²¹.

Следует подчеркнуть специфические сложности Ахалкалакско-Ахалцихской экспедиции, которая проводилась в районах, имеющих пограничный статус.²² Этнографическая работа на территории другой республики среди армян, проживающих в иноэтническом- грузинском окружении требовала не просто особенной осторожности и такта, но в известной степени определенной смелости и мужества. Напомним, что это был период уже начавшихся репрессий, и в атмосфере всеобщей подозрительности каждый шаг сотрудников экспедиции мог

¹⁹ Дневник Ахалкалакской экспедиции //ФПИ, оп.1, д.119, тетр.3, л.4об.

²⁰ В дневнике экспедиции содержатся многочисленные записи об этом: «Сразу же по приезде в Ахалкалак «начали систематический сбор медной посуды», «в с. Чамдура смогли приобрести почти все сельскохозяйственные орудия и домашние глиняные принадлежности, в городе- инструменты ситовщиков, а также рыболовные сети» и т.д. // Там же, тетр. 1, л. 4 и 4 об.

²¹ ФПИ, оп.1, д.108-118.

²² В каждом селении участники экспедиции обязаны были регистрироваться, а также получить разрешение на фотосъемку «как окрестностей, так и подробностей быта, однако с условием ничего не снимать по ту сторону турецкой границы». Так, в с. Рабат они «воздержались от съемок прекрасной панорамы с видом на старую крепость, поскольку рядом с ней располагались управление пограничного полка, казарма и военно-продовольственный склад //Там же, д. 119. тетр. 3, л. 2 об. и др.

быть неверно истолкован и стать поводом к провокации или даже иметь угрожающие последствия. Только большой полевой опыт С. Лисициана и его авторитет ученого помогли избежать многих нежелательных ситуаций, которые нередко возникали на местах.²³ К сожалению, запланированное на 1937г. продолжение Джавахской экспедиции с завершением ее в Ленинакане не состоялось. Оценивая с позиций современной этнографической науки деятельность Ахалкалакской и предыдущих Зангезурской и Лорийской экспедиций, следует признать, что еще в середине 1930-х гг. С. Лисициан предпринял и осуществил программу исследования армянского этноса в своей и иноэтнической среде, по своей актуальности созвучную научным и прикладным потребностям не только своей эпохи, но и сегодняшнего дня.²⁴

Осенью 1938г. С. Лисициан организовал экспедицию в район Севанского бассейна - в Нор Баязет (ныне Гавар), Мартуни и Басаргечар(ныне Варденис). О размахе ее собирательской работы можно судить по данным Отчета, представленного С. Лисицианом,²⁵ и по вещественным результатам. В описях этнографического отдела зарегистрирован 221 экспонат, привезенный из этой экспедиции: коллекции сельскохозяйственных орудий, глиняной посуды, домашней утвари, детали традиционной одежды, обереги (դադադադ) от «сглаза» домашнего скота²⁶ и т. п., а также 362 фотоснимка. Тогда же осенью 1938г. С. Лисициан совершил этнографическую поездку в Аштаракский район для сбора экспонатов и записи материала по садоводству и виноделию. Кроме того, из Аштарака и Ошакана он доставил образцы традиционного женского головного убора и утвари, а также более 20 предметов церковного имущества.

Следует подчеркнуть, что отбор многочисленных предметов, представляющих культурно-историческую ценность, из имущества закрытых и (или) подлежащих уничтожению церквей, был еще одним важным направлением собирательской деятельности ученого. Как полномочный представитель ГМИА, Наркомпроса республики, Института истории материальной культуры, Комитета охраны древностей он занимался этой сложной и трудоемкой работой практически во всех экспедициях и индивидуальных поездках, уделяя немало времени и сил отбору из церковного имущества ценных предметов культа, рукописей, старопечатных изданий²⁷ и т.п. Среди них были высокохудожественные образцы из церквей Погос Петрос и сурб Ованнэс в самом Ереване, эчмиадзинского монастыря св. Рипсимэ, монастыря Арич в Артике, сельских церквей Ленинакана, Аштарак, Дилижана, Гориса, Сисиана, Иджевана, Шамшадина и многих других мест.

Еще одной интересной формой собирательской работы С. Лисициана было заказывание мастерам- выходцам из различных регионов исторической Армении- макетов их традиционных народных жилищ, сельскохозяйственных орудий и т., причем в большинстве случаев тех же регионов, по которым сам ученый через армян-беженцев в эти годы собирал и записывал этнографический материал.

²³ Так, в с. Гандза по поводу просьбы женщин к участникам экспедиции открыть их церковь и восстановить службу С. Лисициан в дневнике отмечает: «Мы, конечно, в срочном порядке сразу пресекли подобные обращения, разъяснив, что наша работа никак не связана с открытием и закрытием церквей, тем более в пределах Грузии» // Там же, тетр.1, л. 9 об. - 10. Об инциденте в с. Цухрут уже говорилось выше.

²⁴ Отметим, что скудных ассигнований музейного бюджета едва хватало на приобретение экспонатов. Поэтому все рассмотренные выше экспедиции были организованы С. Лисицианом за счет внемузейных средств, благодаря его авторитету и личным связям: они были получены от Комитета восстановления Зангезура, Комитета помощи Армении, специальных средств Наркомпроса Армении и др. // ФПИ, оп.1, д.106, л.24.

²⁵ Архив ГМИА, ф. 1, оп. 1, д. 60, л.1-3.

²⁶ Только в Нор Баязете и с.Еранос их было собрано 43 штуки.

²⁷ Из одной только Ахалкалакской экспедиции С. Лисициан привез 21 рукопись, затем переданных музеем эчмиадзинскому Матенадарану // Архив ГМИА, ф. 1 оп. 1, д. 39, л. 12.

Таким путем в фонде этнографического отдела уже к середине 1930-х гг. были собраны макеты по народной архитектуре и коллекции традиционных бытовых предметов Сасуна, Шатаха, Буланыха, Мокса, Тарона и др. областей.

Всего за несколько лет целенаправленной и интенсивной экспедиционно-собирательской деятельности были созданы фонды этнографического отдела ГМИА: на 1 января 1938 г. они насчитывали более 5200 экспонатов, 1310 негативов, 566 фотоснимков и 48 рисунков.²⁸ После научной обработки и паспортизации по полноте и широте охвата коллекций, высокому научному уровню их систематизации и каталогов, уже в предвоенные годы они не уступали фондам других музеев подобного профиля, а этнографический отдел ГМИА стал одним из ведущих научных учреждений страны. По оценке самого С. Лисициана к этому времени отдел располагал собранием ценных материалов, «богатству, разнообразию и научной ценности которого могла бы позавидовать любая союзная республика или зарубежная страна»²⁹. Для самой Армении это было важно еще и потому, что на протяжении 1930-х гг. именно возглавляемый С. Лисицианом отдел ГМИА являлся практически единственным этнографическим центром в республике.

Большой энтузиаст своего дела, ученый не ограничивался рамками лишь этнографического отдела, а всемерно стремился к обогащению фондов всех отделов музея. Благодаря его стараниям и энергии ценные предметыполнили отделы археологии: музейные экспонаты из Татевского монастыря, капители, бронзовые украшения из Мегри, керамическая посуда и бронзовое оружие I тыс. до н.э. из Кошун-Даша (в Сисиане) и др. В отдел литературы поступили многочисленные рукописи, в художественный отдел - ценные полотна и материалы, полученные им во время командировки 1929 г. в Ленинград и Москву и т.п.

С. Лисициан подчеркивал, что и в армянской диаспоре, где «пока еще есть семьи, которые в память о дедовских традициях привезли с собой на чужбину дорогие сердцу предметы старого быта, встает вопрос, каким образом возможно их собрать, притом в спешном порядке, и доставить в Гос. музей Армении».³⁰ С этой целью через армянскую газету «Пайкар», издававшуюся в Бостоне, он обратился к американским армянам -любителям искусства и археологии и художникам - призывом обогатить отечественный музей находящимися в их руках пергаментами, рукописями, картинами и другими ценностями³¹.

ՀԱՅԱՍՏԱՆԻ ՊԱՏՄՈՒԹՅԱՆ ՊԵՏԱԿԱՆ ԹԱՆԳԱՐԱՆԻ ԱԶԳԱԳՐՈՒԹՅԱՆ ԲԱԺՆԻ ՖՈՆԴԵՐԻ ԿԱԶՄԱՎՈՐՄԱՆ ՊԱՏՄՈՒԹՅՈՒՆԻՑ

___ Անփոփում ___

___ Լ. Վարդանյան ___

Հայաստանում 1920-30-ական թթ. ազգագրական քանդարանագիտության զարգացումը կապված է ականավոր գիտնական Ստ. Լիսիցյանի հետ: 1928 թ. նշանակվելով իր իսկ արտահայտությամբ՝ «քառասյին վիճակում» գտնվող ՀՊՊԹ ազգագրության բաժնի վարիչ, նա կանգնեց «խղճուկ ժողովածուն» շտապ լրացնելու անհրաժեշտության առջև: Այդ դժվարին խնդիրը իրագործելու և ազգագրական ֆոնդը հարստացնելու նպատակով գիտնականը «անցավ գավառեգավառ՝ հավաքելով կենցաղային իրեր և ազգագրական նյութեր»: Նրա կազմակերպած ազգագրական գիտարշավների (Զանգեզուր-1931-1932 թթ., Լոռի-1934-1935թթ., Ջավախք-1936թ., Սևանի ավազան-1938թ.) և գիտակազմակերպչական ակտիվ գործունեության շնորհիվ քանդարանի ազգագրական ֆոնդը հարստացավ 6000-ից ավելի արժեքավոր նյութերով՝ դառնալով լավագույններից մեկը Խորհրդային Միությունում:

²⁸ ՓՊԻ, օր. 1, ծ. 106, լ. 25.

²⁹ ՆԱԱ, փ. 428, օր. 4, ծ. 304, լ. 7.

³⁰ Արխիվ ԳՄԻԱ, փ. 1, օր. 1, ծ. 122, լ. 4.

³¹ Ստ. Լիսիցյան, Հայաստանի քանդարանի համար, «Պայքար», 1932, 4 դեկտեմբերի: